

О. В. МОРОЗОВ

ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ГУМБОЛЬДТ И БЕРЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ – НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ «ГУМБОЛЬДТОВСКОГО МИФА»¹

В статье исследуются истоки «гумбольдтовского мифа». Автор опровергает сложившуюся в науке точку зрения, согласно которой миф возник во время празднований 100-летнего юбилея Берлинского университета в 1910 г., показывая, что она не подтверждается источниками. По мнению автора, «гумбольдтовский миф» возник до 1910 г. в сочинениях немецких философов и педагогов начала XX в. под влиянием записки Гумбольдта «О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине». Юбилей же Берлинского университета следует считать только одним из способов фиксации и распространения мифа.

Ключевые слова: Вильгельм фон Гумбольдт, «гумбольдтовский миф», Берлинский университет, юбилей 1910 г.

Споры о прошлом и будущем университета, развернувшиеся в последнее двадцатилетие в немецкой академической среде, привели к переосмыслению нескольких важных конвенций в истории науки и образования. Одна из них – «гумбольдтовская» или, как ее чаще называют в России, «классическая модель» университета. Ее суть сводится к тому, что в начале XIX в. В. фон Гумбольдт (1767–1835) разработал инновационную систему, сочетавшую образовательный процесс и свободное исследовательское творчество, внедрил ее в основанный им же в 1810 г. Берлинский университет, и тем самым сделал его образцовым высшим учебным заведением, на который равнялся весь мир.

Благодаря усилиям таких историков, как Р. фон Брух, Д. Коннелли, Д. Лангевише, П. Лундгрэн, С. Палетшек, М. Эш, К. Ярауш и др., теперь можно с уверенностью заключить, что данная модель есть не более чем миф, вернее, «гумбольдтовский миф», как предлагает называть ее М. Эш. Ему и его коллегам удалось доказать, что разработка Гумбольдта не таила в себе почти ничего инновационного, не была воплощена полностью ни в одном университете, включая Берлинский, а сам Гумбольдт никогда не претендовал на звание ее автора – он про-

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов РФ в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ. Я выражаю благодарность Д. Лангевише, С. Палетшек, Х.-Э. Тенорту и моим коллегам из Центра университетских исследований ИГИТИ им. А.В. Полетаева, беседы с которыми помогли сделать этот текст лучше.

сто собрал и обобщил несколько идей, высказанных ранее его предшественниками². Более того, Берлинский университет не был детищем одного Гумбольдта: разговоры об открытии университета в прусской столице велись с конца XVIII в., а его учреждением занимались многие чиновники и мыслители, включая И.Г. Фихте и Ф.Д.Э. Шлейермахера³. Гумбольдт присоединился к ним только в начале 1809 г. после завершения дипломатической службы в Риме, возглавив секцию культуры и общественного образования в Министерстве внутренних дел Пруссии⁴.

Однако мы по-прежнему располагаем скудными сведениями о том, кто, как и когда сконструировал «гумбольдтовский миф». В научной литературе неоднократно звучала мысль, что он восходит к 100-летию юбилею Берлинского университета, пышно отпразднованному в германской столице в 1910 г. В этой статье я хочу объяснить, что основные доводы в защиту данного утверждения не подкрепляются источниками, и в действительности процесс создания «гумбольдтовского мифа» был более сложным и противоречивым.

Гумбольдт и 100-летний юбилей Берлинского университета

Один из самых сильных доводов против традиционного взгляда на «гумбольдтовскую модель» заключается в том, что исследовательский университет как идеал, к которому нужно стремиться, существовал в представлениях немецкого академического сообщества в течение всего XIX в., но до начала XX в. никто не связывал этот идеал с Гумбольдтом. Отсюда напрашивается вывод, что «гумбольдтовский миф» возник не на пустом месте, а в результате слияния популярной ранее легенды об исследовательском университете и нового знания о Гумбольдте, ставшем впоследствии главным героем этой легенды.

Примерно к такому же выводу пришла в 2001 г. С. Палетшек, предложив свою версию происхождения мифа. По ее мнению, образ Гумбольдта как автора новой университетской модели появился во время 100-летнего юбилея Берлинского университета в фештшифтах

² «Гумбольдтовский миф» неоднократно обсуждался в западной историографии, прежде всего немецкой. См.: Mythos Humboldt 1999; *Paletschek* 2001; 2002; *Lan-gewiesche* 2010; 2011; *Eichler* 2012; *Tenorth* 2012; 2013; 2014a. Российскому читателю «гумбольдтовский миф» скорее всего знаком по русскому переводу статьи М. Эша, написанной на основе пленарного доклада на конференции «Болонский процесс и формирование будущих сообществ знания: Третья конференция по знанию и политике», проходившей в Норвегии в 2005 г.: *Эш* 2013. Оригинал статьи: *Ash* 2006.

³ *Tenorth* 2010. S. 18; 2014b. S. 16-19.

⁴ Гумбольдт проработал главой секции с 20 февраля 1809 г. по 23 июня 1810 г., а затем был вынужден уступить этот пост своему идейному оппоненту К.Ф. фон Шукману. С 1817 г. за образовательную и культурную политику в Прусском королевстве станет отвечать новое ведомство – Министерство по делам религии, образования и здравоохранения. После Ноябрьской революции 1918 г. оно было переименовано в Министерство науки, искусства и народного образования.

философа и педагога Э. Шпрангера (1882–1963) и юбилейных речах, авторы которых, пользуясь случаем, героизировали прошлое немецкой науки⁵. Палетшек исходила из того, что университетский юбилей, будучи ярким праздничным событием с богатым выбором коммеморативных практик, часто используется для конструирования выразительных образов, укрепляющих коллективную идентичность. Юбилей 1910 года Палетшек относит к первому этапу в становлении «гумбольдтовского мифа», правда само это понятие она практически не употребляет, предпочитая ему собственный эквивалент – «изобретение Гумбольдта» (*Erfindung von Humboldt*).

Палетшек отмечает, что содержательным подспорьем для мифа послужила знаменитая записка Гумбольдта «О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине»⁶, найденная в 1896 г. и опубликованная за семь лет до 100-летних празднований⁷. В ней Гумбольдт делится своим мнением о том, как должен быть устроен научно-исследовательский процесс в университетах и академиях, а также каковы пределы вмешательства государства в работу тех и других. Мы не знаем ни адресата записки, ни точной даты ее создания (скорее всего это был период 1809–1810 гг.)⁸. Текст насчитывает всего десять страниц, внезапно обрываясь на подзаголовке «Об академии».

Итак, Палетшек выделяет в происхождении «гумбольдтовского мифа» два вида источников, связанных со 100-летней годовщиной Берлинского университета, – фештшрифты и юбилейные речи. Если в первом случае она подкрепляет свои аргументы цитатами из работ Шпрангера, то во втором почему-то нет ни одной выдержки из речей, что вызывает обоснованные сомнения в прочности ее позиции. В 2010 г. недостающие примеры привел в своей статье Д. Лангевиеше⁹, однако, как я покажу ниже, даже в них связь между юбилеем 1910 г. и рождением «гумбольдтовского мифа» неочевидна. На данный момент версию Палетшек поддерживает большинство исследователей, причем даже те, кто не до конца разделяет ее критический взгляд на Гумбольдта¹⁰. Чтобы проверить, насколько состоятельна эта версия, я поочередно рассмотрю выделенные Палетшек виды источников и попробую отыскать

⁵ Paletschek 2001. S. 100-101; 2002. S. 187-189, 191.

⁶ Humboldt 1903; Ср. издание на русском языке: Гумбольдт 2011.

⁷ Paletschek 2001. P. 39-40; Paletschek 2002. S. 186-187.

⁸ А. фон Гарнак полагал, что записка появилась после лета 1810 г., но это могло случиться и раньше. 9 мая 1809 г. Гумбольдт отправил послание своему другу – министру внутренних дел Пруссии, графу Ф. цу Дона-Шлобиттен. В послании он упомянул некий план соединения академии с университетом. Под этим планом он, вероятно, подразумевал свою записку. Письмо Гумбольдта графу см.: Humboldt 1960. Вступительный комментарий к записке см.: Humboldt 1903. S. 250-251.

⁹ Langewiesche 2010. S. 81-84.

¹⁰ Tenorth 2010. S. 17, 25; Tenorth 2013. S. 22.

в них истоки «гумбольдтовского мифа». Но сперва позволю себе несколько вступительных слов о 100-летнем юбилее Берлинского университета, который пока не был предметом специальных исследований.

Подготовка этого праздника заняла в общей сложности девять лет. Церемонии проходили в столице Германского государства с 10 по 12 октября. В них приняли участие тысячи человек, включая студентов, профессоров, членов университетской администрации, правительственных чиновников, горожан, туристов и представителей иностранных делегаций, прибывших из университетов Европы, Азии и Америки¹¹. Особым гостем стал кайзер Вильгельм II, чей визит придал событию общеперспективный размах. Лейтмотивом праздничной риторики стали научные достижения немецкой нации. Газеты с упоением писали о превосходстве немецкой национально ориентированной науки над ценностями западной «космополитической революции», воплощаемыми Францией и Великобританией¹². То были мрачные предзнаменования грядущей мировой войны. Впоследствии они переросли в открытые призывы к насилию и самопожертвованию во имя государства, которые в военные годы раздавались не только с политических трибун, но и с университетских кафедр¹³.

Воздавая почести университету, ораторы не скупились на похвалы кайзеру и его предкам¹⁴, неустанно повторяя, что история университета неотделима от истории отечества¹⁵. Одновременно они говорили о «прусском духе», напоминая, как после военных неудач 1806–1807 гг. он вдохновил людей на новые свершения¹⁶. Столь контрастные отсылки к прошлому грозили вызвать у зрителя когнитивный диссонанс. Чтобы этого не произошло, ораторы прибегали к риторическим уловкам. Так, профессор М. Ленц, обращаясь в своей речи то к монархии, то к народу, попытался скрепить две стороны общими интересами, заявив, что XIX в. стал временем, когда страстное желание немцев обрести единство было исполнено правящим домом Гогенцоллернов¹⁷.

Вычурная праздничная риторика включала периодические отсылки к ученым и основателям университета. Имя Гумбольдта фигурировало в выступлениях Вильгельма II, министра образования и культуры

¹¹ Liste 1910.

¹² *Deiters* 1910. S. 209.

¹³ *Maurer* 2011.

¹⁴ *Jahrhundertfeier* 1911. S. 40–42; *Lenz* 1910. S. 5–6.

¹⁵ *Jahrhundertfeier* 1911. S. 36; *Deiters* 1910. S. 209.

¹⁶ *Schwartz* 1910. S. 151. Речь шла о поражении прусских войск от Наполеона в битвах при Йене и под Фридландом во время Войны четвертой коалиции 1806–1807 гг. Пруссия потеряла армию и значительную часть своих территорий, включая земли, полученные после раздела Речи Посполитой, поэтому под угрозой потери независимости была вынуждена подписать унижительный мир с Наполеоном.

¹⁷ *Lenz* 1910. S. 6.

А. фон Тротт цу Зольца, обербургомистра М. Киршнера, М. Ленца и многих других ораторов, но ничего нового и содержательного в тех эпизодических упоминаниях не было, поэтому разглядеть в них истоки «гумбольдтовского мифа» даже при большом желании не удастся. Из всех юбилейных речей 1910 г. только в двух о Гумбольдте были хоть какие-то сведения, не считая имени. Первая принадлежит ректору Берлинского университета Э. Шмидту, вторая – его преемнику М. Рубнеру.

К речи Рубнера обращается Лангевише. Цитатами из речи он имплицитно подкрепляет версию Палетшек о происхождении «гумбольдтовского мифа», снабжая эту версию отсутствовавшими ранее ссылками на источники. Здесь возникают как минимум два сомнительных момента. Во-первых, вряд ли стоит связывать речь Рубнера с юбилеем Берлинского университета, как это делает Лангевише: Рубнер выступил не во время праздника, а только через три дня на церемонии своей интронизации, когда юбилейные торжества были завершены, а многие гости, включая кайзера, разъехались. Во-вторых, связь Гумбольдта с исследовательским университетом просматривается у Рубнера только в одной фразе: «В. фон Гумбольдт приписал университету двойную задачу: поучать и исследовать»¹⁸. Из нее отнюдь не следует, что участники юбилея готовы были назвать Гумбольдта отцом-основателем новой университетской модели. О том, что Берлинский университет должен развивать у себя свободное исследовательское творчество, Рубнер говорил долго, только о Гумбольдте он больше не проронил ни слова.

В отличие от Рубнера, Шмидт прочел свою речь 11 октября, в разгар юбилейных празднований, перед кайзером, высшими имперскими чинами, деканами, профессорами и иностранными делегатами. Его выступление началось с упоминаний памятников Вильгельму и Александру фон Гумбольдтам, воздвигнутых в 1882 и 1883 гг. по правую и левую стороны от входа в главное здание университета на бульваре Унтер-ден-Линден. Шмидт назвал В. фон Гумбольдта символом гуманитарного знания, а его младшего брата Александра – естественнонаучного¹⁹. Не стала ли эта аллегория началом истории «гумбольдтовского мифа»? Скорее всего нет. Шмидт не был первым, кто использовал подобную персонификацию в торжественной речи. В 1883 г. то же самое сделал еще один ректор Берлинского университета – Э. Дюбуа-Реймон²⁰. Памятники двум Гумбольдтам стали темой его выступления 3 августа, в день рождения прусского короля Фридриха Вильгельма III. История этих памятников уместилась в несколько первых минут речи. Остальное время занял панегирик, причем не Вильгельму, а Александру.

¹⁸ *Rubner* 1910. S. 4.

¹⁹ *Jahrhundertfeier* 1911. S. 31-32.

²⁰ Тексты и списки речей ректоров Берлинского университета издавались несколько раз. Избранный список за 1810–1932 гг. см.: *Reden* 1977.

дру, заслугам которого, как посчитал оратор, долгое время не уделяли должного внимания. Вильгельма Дюбуа-Реймон все-таки охарактеризовал как талантливого дипломата и ученого, перечислив области знания, где тот успел отличиться: эстетика, филология, античная культура. Старший Гумбольдт удостоился ректорской похвалы и за то, что во время «нового рождения» (*Neugeburt*) Пруссии в начале XIX в. помог основать Берлинский университет, правда «настоящим» основателем был назван только один человек – прусский монарх²¹.

К концу XIX в. заслуги Вильгельма и Александра перед наукой едва ли кем-то ставились под сомнение. Первый был известен как дипломат и филолог, второй – как путешественник и естествоиспытатель. Отождествление братьев с гуманитарным и естественнонаучным знанием могло быть по душе многим образованным немцам, особенно представителям академического сообщества. С этой точки зрения, аллегории Шмидта не следует придавать большого значения. Его попытка приукрасить заслуги Гумбольдта перед высшим образованием – всего-навсего традиционная фигура речи, соответствовавшая праздничному моменту, и вряд ли в ней надо искать потаенный смысл.

В выступлении Шмидта выделю один важный фрагмент. В нем В. фон Гумбольдт назван ученым, «который помог сохранить сущность многообразных гуманистических образовательных идеалов в те годы, когда старая высшая школа разлетелась на куски, и который обогатил и одухотворил эстетическое воспитание и языкознание»²². О вкладе Гумбольдта в образование и воспитание было известно в XIX в. очень мало, поэтому в речи Шмидта Гумбольдт, несомненно, предстал с новой и непривычной для академического сообщества стороны. Но какое событие могло вызвать эти перемены? Вероятная причина – публикация новых рукописей, найденных в архивах в 1890-е гг., в рамках работы над 25-томным собранием сочинений Гумбольдта, приуроченным к 200-летию Прусской академии наук. Празднование юбилея было запланировано на 1900 г. Собрание издавалось в течение всей первой половины XX в. В 1903 г. вышли первый том под редакцией историка литературы из Йенского университета А. Ляйцмана и десятый под редакцией историка Б. Гёбхардта. В первый том, наряду с ранее известными сочинениями, вошли и неизвестные, например, по теории образования и сравнительной антропологии, написанные в 1791–1795 гг. Десятый том включал служебные бумаги, сохранившиеся с той поры, когда Гумбольдт возглавлял секцию культуры и общественного образования в Министерстве внутренних дел, среди них оказалась и записка «О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине», тоже опубликованная впервые.

²¹ *Du Bois-Reymond* 1912. S. 249, 255.

²² *Jahrhundertfeier* 1911. S. 32.

Интерес к биографии В. фон Гумбольдта усилился в Германии еще в последней четверти XIX в. после нескольких публикаций его эпистолярного наследия²³. В 25-томном же собрании сочинений упор делался на его заслуги перед наукой и образованием. Благодаря изданию новых рукописей знаменитый дипломат и филолог начал восприниматься еще и как создатель исследовательского университета. Скорее всего слова Шмидта о вкладе Гумбольдта в развитие эстетического воспитания и сохранение гуманистических образовательных идеалов были одним из проявлений этого нового восприятия. Но едва ли эти слова можно принять за истоки «гумбольдтовского мифа» или хотя бы за минимальный вклад в его популяризацию: прямой связи с исследовательским университетом в них нет.

Казалось бы, архивные находки были только на руку организаторам 100-летнего юбилея. Опубликованные тексты позволяли им поднять на щит одного из основателей своей альма-матер и воздать ему хвалу за достижения, не замеченные предками. Не секрет, что на рубеже XIX–XX вв. германские университеты постепенно уступали свои позиции техническим институтам, поддерживаемым прусским министром образования и культуры Ф. Альтхофом. Чтобы восстановить былой авторитет, университетские люди отчаянно нуждались в результативных механизмах самолегитимации. Образ Гумбольдта подходил на роль такого механизма как ничто другое. Тем не менее в 1910 г. Гумбольдт не стал главным героем юбилейных речей, хотя на мгновение появился в одной из них в новой ипостаси.

Все дело в том, что празднования 1910 г. были призваны сакрализовать не только Берлинский университет, но и Германское государство вместе с его правителем. Упоминания о королях, герцогах, курфюрстах и их плодотворном участии в судьбе немецкой науки были типичны для большинства университетских юбилеев Нового времени, ведь почетными гостями на них часто были монархи и принцы крови. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1910 г. выступавшие на трибунах ученые и чиновники ставили основание Берлинского университета в заслугу правящему дому Гогенцоллернов. Этим они поддерживали иллюзорную гармонию между университетом и государством, обеспечивая себе расположение со стороны последнего. Имена братьев Гумбольдтов, Шлейермахера, Фихте и др. никем не замалчивались, однако они меркли на фоне дифирамбов кайзеру и его предкам²⁴. Юбилейные ораторы никак не могли способствовать зарождению «гумбольдтовского мифа» в 1910 г.: их риторика не содержала ровным счетом никаких сведений об инновационной модели Гумбольдта и/или ее внедрении в Берлинский университет.

²³ Briefe 1879; *Karpeles* 1890; *Schwenke* 1891.

²⁴ *Jahrhundertfeier* 1911. S. 5-6, 36-42.

Возникновение «гумбольдтовского мифа»

Итак, установив, что «гумбольдтовский миф» не мог быть сконструирован с помощью юбилейных речей, перейдем к следующему виду источников, выделенному Палетшек, а именно – фештшифтам Шпрангера. Отрицать, что в них содержатся сведения, относящиеся к «гумбольдтовскому мифу», невозможно. В 1910 г. Шпрангер действительно опубликовал пару книг в честь 100-летия Берлинского университета, где, как справедливо указывает Палетшек, назвал Гумбольдта создателем новой университетской модели, а открытие Берлинского университета – поворотным моментом в истории немецкого высшего образования. Тем не менее возникает вопрос, был ли Шпрангер первым, кто заговорил о Гумбольдте и Берлинском университете в новом качестве? По моим наблюдениям, пальма первенства в этой истории принадлежит не Шпрангеру, а его учителю Ф. Паульсену (1846–1908).

Паульсен известен как талантливый педагог, философ-неокантианец и историк образования. Введенное им в 1880-е гг. понятие «неогуманизм»²⁵ снискало широкую популярность и до сих пор используется в педагогике и философии. Паульсен учился в Эрлангене, затем переехал в Берлин, где в 1871 г. защитил кандидатскую диссертацию по этике Аристотеля, а уже через четыре года – докторскую по теории познания И. Канта. В 1878 г. он стал экстраординарным профессором философии и педагогики в Берлинском университете, а в 1896 г. – профессором моральной философии.

Сравнив работы Паульсена, написанные с интервалом в несколько лет, я обнаружил любопытные перемены в его оценках как Гумбольдта, так и Берлинского университета. Если в своем раннем *opus magnum* по истории немецкого образования (1885) Паульсен подает Гумбольдта как исследователя Античности, называя его «новым эллином» (*Neuhellen*)²⁶, то через семнадцать лет в книге «Германские университеты» (1902) он провозглашает Гумбольдта основоположником Берлинского университета, воздвигнутого в противовес высшим школам «военного диктатора» Наполеона. По мнению Паульсена, фигура Гумбольдта, в которой органично соединились талантливый ученый и великий государственный деятель, символизировала отречение Пруссии от милитаризма и дисциплины в пользу исследовательского творчества и его главного принципа – свободы²⁷.

Можно определенно сказать, что взглянуть на Гумбольдта с новой стороны Паульсену помогла записка «О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине», которую он

²⁵ Подробнее о неогуманизме см.: *Feldmann* 1930; *Dokumente des Neuhumanismus* 1931; *Humanismus und Bildung* 1991; *Zhaoyang* 1991; *Osterhammel* 1993.

²⁶ *Paulsen* 1885. S. 523.

²⁷ *Paulsen* 1902. S. 63-64. Уже в 1904 г. вышел русский перевод: *Паульсен* 1904.

упоминает в своей книге. Откуда Паульсен мог узнать о ней, если она была опубликована только через год? Дело в том, что перед публикацией фрагменты записки цитировали Б. Гебхардт и А. фон Гарнак – автор юбилейной истории Прусской академии наук²⁸. Паульсен, хорошо знавший сочинения своих коллег, имел возможность познакомиться с основным содержанием записки до ее официального выхода.

Попав под влияние этого текста, Паульсен с каждым годом все больше укреплялся во мнении, что исследовательский университет возник благодаря Гумбольдту в 1810 г. Через четыре года после «Германских университетов» вышел «Исторический очерк развития образования в Германии», где Гумбольдт предстал в качестве реформатора всей системы прусского образования: «Недолго пробыл Гумбольдт на ...своем посту <...>, но за столь короткое время он успел пропитать новыми идеями и перестроить на новых началах все дело образования в государстве. Университеты, гимназии и народная школа в эту именно пору получили то направление, которому с кое-какими колебаниями и приспособлениями они остались верны все столетие». Ниже уточнялось, что в высшем образовании одним из этих новых начал была идея свободы, запечатленная в Берлинском университете²⁹.

Палатшек утверждает, что Паульсен связывал переломный момент в истории немецкого высшего образования не с открытием Берлинского университета³⁰, а с преобразованиями в Галльском и Гёттингенском университетах второй половины XVIII в.³¹ Это верно лишь отчасти, и то только для книги «Германские университеты». Там Паульсен писал о Галле и Гёттингене как о передовых учебных заведениях, где с наступлением Нового времени средневековая схоластика отступала под натиском естественных наук и утверждались принципы свободного обучения и исследования³². Открытие Берлинского университета Паульсен хоть и оценивал в 1902 г. как одно из самых заметных достижений побежденной Наполеоном Пруссии, но поворотным моментом в истории высшего образования не называл. А вот в 1906 г. он окончательно сформулировал свою точку зрения: «Берлинский тип университета явил собой <...> новый тип университета вообще. Положенная в его основу новая идея состояла в том, что университет должен быть безусловно и прежде всего местом свободной и научной работы. Галле и Гёттинген уже были такими, но все равно по своему строю они оставались высшими школами»³³.

²⁸ Gebhardt 1896–1899. Bd. 1. S. 118–124; Harnack 1900. Bd. 1. S. 594–597.

²⁹ Паульсен 1908. С. 205.

³⁰ Paletschek 2002. S. 186.

³¹ Подробнее об этих преобразованиях см.: Cobb 1980.

³² Paulsen 1902. S. 55–60.

³³ Паульсен 1908. С. 204.

Таким образом, у истоков «гумбольдтовского мифа» стоял не Шпрангер, а его учитель Паульсен, так как именно он еще за несколько лет до юбилейных празднований 1910 г. сформулировал две основные идеи, образующие смысловое ядро мифа: (1) Гумбольдт – автор инновационной модели исследовательского университета; (2) Берлинский университет – место внедрения этой модели и, следовательно, новый этап в истории высшего образования. Обе идеи родились у Паульсена не случайно, а под влиянием найденных в 1890-е гг. рукописей Гумбольдта, в которых можно было разглядеть новую сторону творчества знаменитого дипломата и филолога.

Сказанное выше не отменяет установленного Палетшек факта, что Шпрангер имел отношение к «гумбольдтовскому мифу», но считать его создателем этого мифа было бы опрометчиво. Скорее Шпрангера можно охарактеризовать как последователя Паульсена и популяризатора его идей. Не исключено, что интерес к Гумбольдту возник у Шпрангера под влиянием его учителя. В 1909 г. Шпрангер защитил докторскую диссертацию о вкладе Гумбольдта в развитие неогуманизма³⁴, в том же году он стал приват-доцентом Берлинского университета и через год издал в честь 100-летнего юбилея своей альма-матер два фestsриффта. Первый включал сборники трудов Фихте, Шлейермахера и их коллег с рассуждениями о том, как должен быть устроен идеальный университет³⁵, а второй представлял собой книгу о Гумбольдте как реформаторе немецкого образования.

В книге отчетливо видны все те же две основополагающие для «гумбольдтовского мифа» идеи, сформулированные Паульсеном. Появление Берлинского университета было концептуализировано Шпрангером как прощание со средневековым схоластическим университетом, безвозвратно ушедшим вместе с *ancien régime* под давлением критики просветителей. Пусть новый университет и напоминал по форме те пережитки, которые он призван был заменить, дух, заключенный в нем, воплощал передовые образовательные принципы: отношение к исследовательскому процессу как вечному поиску истины, свободу научного знания, единство всех наук и взаимосвязь университетов с академиями в рамках единой системы – все то, о чем писал Гумбольдт в своей записке. Основание университета в прусской столице Шпрангер назвал «величайшим деянием» Гумбольдта, изобразив своего героя мудрым и трудолюбивым государственным деятелем, верившим в возрождение своей нации после унижительного поражения от Наполеона³⁶.

Догадывались ли Паульсен и Шпрангер, что, связав имя Гумбольдта с появлением исследовательского университета, они произвольно

³⁴ *Spranger* 1909.

³⁵ *Fichte, Schleiermacher und Steffens* 1910.

³⁶ *Spranger* 1965. S. 199-202, 207-208.

сконструировали один из самых живучих мифов в истории науки и образования? Появился ли бы этот миф вообще, не попади записка Гумбольдта в 1900-е гг. к этим двум немецким ученым, чьи работы пользовались сравнительно высоким авторитетом вплоть до конца XX в.? Вероятно, именно в силу этого авторитета «гумбольдтовскому мифу» долгое время удавалось не только избегать критической рефлексии, но и завоевывать новых сторонников, в рядах которых можно обнаружить такие известные имена, как К. Ясперс, Г. Шельски и Ю. Хабермас³⁷. В конце века отношение к классикам изменилось. Например, в 1990 г. историк образования и педагогики Д. Беннер показал³⁸, что шпрангеровский подход к интерпретации Гумбольдта, основанный на произвольной подборке цитат, безнадежно устарел и не отвечает современным научным требованиям.

100-летний юбилей Берлинского университета не привел к возникновению «гумбольдтовского мифа». Выступавшие на празднике ораторы прилагали массу усилий, чтобы легитимировать власть кайзера и вывести на передний план доброжелательные отношения монархии с наукой. Если они и упоминали В. фон Гумбольдта среди других известных имен, то никак не в качестве разработчика исследовательского университета. Ректор Э. Шмидт был единственным, кто счел нужным подчеркнуть заслуги Гумбольдта на поприще образования и воспитания, но и он не сказал ни о новой университетской модели, ни о вкладе Гумбольдта в ее разработку. Компоненты «гумбольдтовского мифа» можно найти в фestsрифтах Э. Шпрангера, опубликованных в честь 100-летнего юбилея, однако Шпрангер не был автором мифа. Те же самые идеи, но на несколько лет раньше, высказал его учитель Ф. Паульсен, впечатленный открытой в 1896 г. запиской Гумбольдта о «О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине». Книги Паульсена не имели отношения к юбилею Берлинского университета. Самого праздника он не застал, уйдя из жизни в 1908 г. Шпрангер только закрепил идеи своего учителя в юбилейных изданиях, к которым впоследствии часто обращались другие ученые.

За последние двадцать лет немецкие историки обстоятельно изучили все виражи и перекрестки, пройденные «гумбольдтовским мифом» в течение XX в. Получив некоторое представление о начальном этапе этого пути, можем ли мы сказать, что вопрос о вкладе Гумбольдта в развитие высшего образования окончательно закрыт? Думаю, нет. Споры о будущем университета, его нравственном и научном предназначении, по-прежнему актуальны³⁹, а это значит, что мы еще не раз

³⁷ *Jaspers* 1923; *Schelsky* 1963; *Habermas* 1987.

³⁸ *Benner* 1995. S. 22-24.

³⁹ О том, как в этих спорах используется имя Гумбольдта, см.: *Ash* 2014.

увидим жаркие дискуссии о том, был ли В. фон Гумбольдт причастен к созданию исследовательского университета и по какой траектории этот университет должен развиваться в будущем.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гумбольдт В., фон.* О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: Антология / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 510-516. [Gumbol'dt V., fon. O vnutrennei i vneshnei organizatsii vysshihkh nauchnykh uchrezhdenii v Berline // Universitetskaya ideya v Rossiiskoi imperii XVIII – nachala XX vekov: Antologiya / sost. A.Yu. Andreev, S.I. Posokhov. M.: ROSSPEN, 2011. S. 510-516.]
- Паульсен Ф.* Германские университеты / пер. с нем. Г. Гроссмана. СПб.: Изд. журнала «Образование», 1904. 413 с. [Paul'sen F. Germanские universitety / per. s nem. G. Grossmana. SPb.: Izd. zhurnala «Obrazovanie», 1904. 413 s.]
- Паульсен Ф.* Исторический очерк развития образования в Германии / под ред. Н.В. Сперанского; пер. с нем. Л.Д. Жбанкова, А. Витина. М.: Тов-во И.Д. Сытина, 1908. 364 с. [Paul'sen F. Istoricheskii ocherk razvitiya obrazovaniya v Germanii / pod red. N.V. Speranskogo; per. s nem. M.: Tov-vo I.D. Sytina, 1908. 364 s.]
- Эш М.* Бакалавр чего, магистр кого? «Гумбольдтовский миф» и исторические трансформации высшего образования в немецкоязычной Европе и США // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. С. 59-83. [Esh M. Bakalavr chego, magistr kogo? «Gumbol'dtovskii mif» i istoricheskie transformatsii vysshego obrazovaniya v nemetskoazychnoi Evrope i SShA // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 122. S. 59-83]
- Ash M.* Bachelor of What, Master of Whom? The Humboldt Myth and Historical Transformations of Higher Education in German-Speaking Europe and the US // European Journal of Education. 2006. Vol. 41. No. 2. P. 245-267.
- Ash M.* Humboldt the Undead. Multiple Uses of «Humboldt» and His «Death» in the «Bologna» Era // The Humboldtian Tradition: Origins and Legacies / P. Josephson, T. Karlson, J. Östling (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 81-96.
- Benner D.* Wilhelm von Humboldts Bildungstheorie: eine problemgeschichtliche Studie zum Begründungszusammenhang neuzeitlicher Bildungsreform. Weinheim; München: Juventa, 1995. 232 S.
- Briefe Alexander von Humboldts an seinen Bruder Wilhelm / Familie von Humboldt in Ottmachau (Hg.). Berlin: Verl. der Gesellschaft deutscher Literaturfreunde, 1879. 229 S.
- Cobb J.D.* The Forgotten Reforms: non-Prussian Universities 1797–1817: Ph.D. diss. Madison: University of Wisconsin-Madison, 1980. 198 p.
- Deiters H.* Zur Jahrhundertfeier der Universität Berlin // Akademische Blätter. 1910. Nr. 14. S. 209-213.
- Dokumente des Neuhumanismus / R. Joerden (Bearb.). Weinheim: Beltz, 1931. Bd. 1. 134 S.
- Du Bois-Reymond E.* Die Humboldt-Denkmalier vor der Berliner Universität. In der Aula der Berliner Universität am 3. August 1883 gehaltene Rektoratsrede // Reden: 2 Bde / E. du Bois-Reymond (Hg.). Leipzig: Veit, 1912. Bd. 2. S. 249-284.
- Eichler M.* Die Wahrheit des Mythos Humboldt // Historische Zeitschrift. 2012. Bd. 294. H. 1. S. 59-78.
- Feldmann E.* Der preußische Neuhumanismus: Studien zur Geschichte der Erziehung und Erziehungswissenschaft im 19. Jahrhundert. Bonn: Cohen, 1930. Bd. 1. VIII, 224 S.
- Fichte, Schleiermacher und Steffens über das Wesen der Universität / E. Spranger (Hg.). Leipzig: Dürr, 1910. XLIII, 291 S.
- Gebhardt B.* Wilhelm von Humboldt als Staatsmann: 2 Bde. Stuttgart: Scientia, 1896–1899. Bd. 1. VI, 487 S.
- Habermas J.* The Idea of the University: Learning Processes // New German Critique. 1987. No. 41. P. 3-22.
- Harnack A., von.* Geschichte der Königlich preußischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin: 3 Bde. Berlin: Reichsdrukerei, 1900. Bd. 1. VI, 492 S.

- Humanismus und Bildung, Zukunftschancen der Tradition / J. Gruber, F. Maier (Hgg.). Bamberg: Buchner, 1991. 143 S.
- Humboldt W., von.* Aus der Denkschrift an den Minister des Innern Alexander Graf zu Dohna-Schlobitten vom 9.5.1810 // Idee und Wirklichkeit einer Universität. Dokumente zur Geschichte der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin / W. Weischedel (Hg.). Berlin: de Gruyter, 1960. S. 215-218.
- Humboldt W., von.* Über die innere und äußere Organisation der höheren wissenschaftlichen Anstalten in Berlin // Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften: 25 Bde / Königlich-Preußische Akademie der Wissenschaften (Hg.). Berlin: Behr's, 1903. Abt. 2. Bd. 1. S. 250-260.
- Jahrhundertfeier der königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin 10.–12. Oktober 1910. Bericht im Auftrag des Akademischen Senats erstattet von dem Prorektor Erich Schmidt. Berlin: Schade, 1911. 318 S.
- Jaspers K.* Die Idee der Universität. Berlin: Springer, 1923. VI, 80 S.
- Karpeles G.* Der erste Berliner Salon. Henriette Herz und die Brüder Humboldt // Allgemeine Zeitung des Judentums. 1890. Bd. 54. S. 91-95.
- Langewiesche D.* Die «Humboldtsche Universität» als nationaler Mythos. Zum Selbstbild der deutschen Universitäten in ihren Rektoratsreden im Kaiserreich und in der Weimarer Republik // Historische Zeitschrift. 2010. Bd. 290. S. 53-91.
- Langewiesche D.* Humboldt als Leitbild? Die deutsche Universität in den Berliner Rektoratsreden seit dem 19. Jahrhundert // Jahrbuch für Universitätsgeschichte. 2011. Bd. 14. S. 15-37.
- Lenz M.* Rede zur Jahrhundertfeier der königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin gehalten in der Neuen Aula der Universität am 12. Oktober 1910 von D. Dr. Max Lenz o. ö Professor der Geschichte. Halle a. d. S.: Weisenhauses, 1910. 32 S.
- Liste der Delegierten zur Jahrhundertfeier der Universität Berlin // Hundertjahrfeier der Universität Berlin: 8 Bde. Berlin, 1910. Bd. 1.2. Bl. 3-6.
- Maurer T.* Engagement, Distanz und Selbstbehauptung. Die Feier der patriotischen Jubiläen 1913 an den deutschen Universitäten // Jahrbuch für Universitätsgeschichte. 2011. Bd. 14. S. 149-164.
- Mythos Humboldt. Vergangenheit und Zukunft der deutschen Universitäten / M. Ash (Hg.). Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 1999. 268 S.
- Osterhammel J.* Zwischen Spätaufklärung und Neuhumanismus: die Schulreform des Großherzogs Karl Theodor von Dalberg und die Erneuerung des Hanauer Gymnasiums 1812/13 // Hanauer Geschichtsblätter. 1993. Bd. 31. S. 247-259.
- Paletschek S.* Die Erfindung der Humboldtschen Universität. Die Konstruktion der deutschen Universitätsidee in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts // Historische Anthropologie. 2002. Bd. 10. S. 183-205.
- Paletschek S.* The Invention of Humboldt and the Impact of National Socialism. The German University Idea in the First Half of the Twentieth Century // Science in the Third Reich / M. Szöllösi-Janze (Hg.). Oxford: Berg, 2001. P. 37-58.
- Paletschek S.* Verbreitete sich ein «Humboldtsches Modell» an den deutschen Universitäten im 19. Jahrhundert? // Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhunderts / R.C. Schwinges (Hg.). Basel: Schwabe, 2001. S. 75-104.
- Paulsen F.* Die deutschen Universitäten und das Universitätsstudium. Berlin: Asher & Co., 1902. 598 S.
- Paulsen F.* Geschichte des gelehrten Unterrichts: auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart mit besonderer Rücksicht auf den klassischen Unterricht. Leipzig: Veit, 1885. XVI, 811 S.
- Reden von Rektoren der Berliner Universität 1810–1932: eine Auswahlbibliographie / C. Schwarz (Hg.). Berlin: Humboldt-Univ., 1977. 56 S.
- Rubner M.* Unsere Ziele für die Zukunft. Rede zum Antritt des Rektorates der Königlich Friedrich-Wilhelms-Universität in Berlin gehalten in der Aula am 15 Oktober 1910. Berlin: Schade, 1910. 28 S.
- Schelsky H.* Einsamkeit und Freiheit. Idee und Gestalt der deutschen Universität und ihrer Reformen. Hamburg: Rowohlt, 1963. 342 S.

- Schwartz P.* Die Gründung der Universität Berlin und der Anfang der Reform der höheren Schulen im Jahre 1810 // Mitteilungen der Gesellschaft für deutsche Erziehungs- und Schulgeschichte. 1910. Bd. 20. H. 3. S. 151-208.
- Schwenke P.* Aus Wilhelm von Humboldts Studienjahren. Mit ungedruckten Briefen // Deutsche Rundschau. 1891. Bd. 66. H. 6. S. 228-251.
- Spranger E.* Wilhelm von Humboldt und die Reform des Bildungswesens. Tübingen: Niemeyer, 1965. XIV, 275 S.
- Spranger E.* Wilhelm von Humboldt und Humanitätsidee. Berlin: Reuther & Reichard, 1909. X, 506 S.
- Tenorth H.-E.* 2014a. «Bildung und Wissenschaft» – brauchen wir noch die Universität? // Die Idee der Universität – revisited / N. Ricken, H.-C. Koller, E. Keiner (Hgg.). Wiesbaden: Springer, 2014. S. 45-62.
- Tenorth H.-E.* Mythos Humboldt. Eine Notiz zu Funktion und Geltung der großen Erzählung über die Tradition der deutschen Universität // Intuition und Institution. Kursbuch Bredekamp / C. Behrmann, S. Trinks, M. Bruhn (Hgg.). Berlin: Akademie, 2012. S. 69-80.
- Tenorth H.-E.* Mythos Universität. Die erstaunliche Aktualität einer Idee und die resistente Realität von Universitäten // Ideen und Realitäten von Universitäten / M.F. Buck, M. Kaubaum (Hgg.). Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2013. S. 15-33.
- Tenorth H.-E.* 2014b. The University of Berlin: A Foundation between Defeat and Crisis, Philosophy and Politics // International Journal for the Historiography of Education. 2014. Bd. 4. H. 1. S. 11-28.
- Tenorth H.-E.* Wilhelm von Humboldts (1767–1835) Universitätskonzept und die Reform in Berlin – eine Tradition jenseits des Mythos // Zeitschrift für Germanistik. 2010. Nr. 20. H. 1. S. 15-28.
- Zhaoyang C.* Neuhumanismus und neuhumanistische Bildungskonzeption von Lessing bis Goethe: ein Problemaufriß: univ. diss. München, 1991. 172 S.

Олег Владимирович Морозов, преподаватель Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики», omorozov@hse.ru

Wilhelm von Humboldt and Berlin University A New look at the origin of the Humboldt myth

This article traces the origins of the Humboldt myth. It challenges the established view that the myth arose during the celebrations of the centenary of Berlin University in 1910, demonstrating that this view is not confirmed by sources. First, the article examines the speeches delivered by the participants in the 1910 jubilee celebrations and concludes that they could not have provided the basis for the Humboldt myth because they mention Humboldt no more frequently than the names of other prominent scientists, and the brief assessments of his activities are too vague to warrant judgements about his contribution to the development of higher education. Second, the article analyzes the works of German philosophers and educators of the early twentieth century and stresses that the sources of the Humboldt myth go back mainly to works written before 1910, had nothing to do with the centenary of Berlin University and were influenced by Humboldt's note *On the Internal and External Organization of the Higher Scientific Institutions in Berlin* published in 1903. The article concludes that the traditional view of the origin of the Humboldt myth needs to be re-examined: the myth was born before 1910 and the centenary of Berlin University was only one channel for asserting and spreading it.

Keywords: Wilhelm von Humboldt, Berlin University, Humboldt myth, history of universities, higher education, academic community, jubilee, 1910

Oleg Morozov, Lecturer at the School of History, Faculty of Humanities, National research University Higher School of Economics, omorozov@hse.ru